

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин,
А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк

МОДЕЛЬ ДОХОДНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

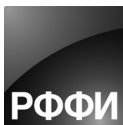
ДИНАМИКА | ФАКТОРЫ | МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ

*Под редакцией доктора социологических наук
Н. Е. Тихоновой*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 316.4
ББК 60.54
М74

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-111-00038, не подлежит продаже*

Рецензенты: д-р экон. наук *Е. М. Аврамова*, д-р социол. наук *Ю. В. Латов*

М74 Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под редакцией доктора социологических наук Н. Е. Тихоновой. — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 368 с.
ISBN 978-5-4469-1419-7

Книга посвящена анализу специфики и динамики доходной стратификации российского общества и ориентирована как на научных работников, так и на преподавателей вузов. В ней представлен развернутый обзор используемых в российской и зарубежной практике подходов к доходной стратификации и обоснована оптимальная для российских условий методология выделения доходных групп при построении структуры общества по доходам. В центре внимания авторов также динамика модели доходной стратификации в России за последние несколько десятилетий, факторы попадания в те или иные доходные группы, специфика жизни и поведения представителей составляющих этих групп. Особый интерес представляет сравнительный анализ модели доходной стратификации в России с ситуацией в этой области в других странах мира, в т.ч. в динамике.

Для специалистов в области социологии, экономики и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, в также всех, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-4469-1419-7

© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *А. А. Хромов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 12.09.2018. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23
Тираж 300 экз. Заказ № 1243

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Введение

Изучение социальной структуры общества допускает рассмотрение различных ее срезов. Можно выделять классовую структуру социума, анализировать составляющие его стилевые группы, строить модели стратификации по уровню жизни, рассматривать его профессиональную неоднородность и т. д. Одним из базовых срезов изучения структурированных неравенств в нем выступает и модель его доходной стратификации, комплексному анализу которой в современном российском обществе посвящена данная книга.

Стратификация по уровню доходов относится к числу одномерных типов стратификации, в основе которых лежит один признак — уровень дохода, определяющий неравенство групп в вертикальной иерархии конкретного сообщества. Использование однокритериальной шкалы «низкодоходные — высокодоходные» дает возможность получить численные оценки наименее и наиболее благополучных в этом отношении групп населения, определить риски расширения зоны бедности и малообеспеченности, оценить степень неравенства в обществе, выявить изменения, происходящие в нем с доходами различных групп под влиянием разных фаз экономического цикла — кризиса, рецессии или роста. Велика роль подобной шкалы и в сфере государственной социально-экономической политики, где данные о доходном распределении являются основой для принятия многих управленческих решений — от режимов налогообложения до мер поддержки тех или иных групп населения.

Доходное неравенство является самым острым и болезненным типом социальных неравенств, поскольку именно через доходы реализуется первоочередной доступ не только к экономическим, но и ко многим социальным благам. В этой связи анализ модели доходной стратификации и ее устойчивости во времени, изменений ее характера и глубины существующего в обществе неравенства, включая «разбег» полюсов, локализацию населения

в пространстве доходов, численность и состав отдельных доходных групп и т. д., необходим для лучшего понимания современного состояния российского общества, особенностей его социальной структуры и перспектив дальнейшей динамики. Кроме того, доходы являются наиболее удобным и понятным показателем при сравнении положения населения разных обществ. Соответственно, модели доходной стратификации позволяют соотнести в этом отношении Россию с другими странами мира и определить вектор эволюции российского общества в контексте неоднородности тенденций общемирового развития, выявив специфику трансформационных процессов в нашей стране в межстрановом контексте.

Особую актуальность проблеме доходной стратификации сегодня придает специфика социально-экономической ситуации, сложившейся в России в последние годы, когда население страны столкнулось со значительным снижением своих доходов после продолжительного периода экономического роста начала и середины 2000-х гг., за который успели сформироваться определенные стандарты потребления. В этих условиях остро стоит вопрос не только о количественной оценке динамики доходов различных групп россиян, но и о том, какие качественные изменения произошли в их жизни в этой связи и могут ли эти изменения повлечь за собой нарастание негативных тенденций в социально-экономическом и политическом развитии России.

В то же время серьезной литературы, посвященной проблеме доходной стратификации российского общества, особенно учитывающей тенденции ее изменения в 2014–2017 гг., удивительно мало. Возможно, это связано с тем, что, на первый взгляд, проблема доходной стратификации кажется достаточно простой — данные по структуре российского общества с точки зрения доходов населения регулярно публикуются ФСГС РФ. Однако они не позволяют построить модель стратификации по доходам, пригодную для корректного изучения характеристик и факторов принадлежности к различным группам, их динамического сравнения и международных сопоставлений. Экономические и социологические выборочные обследования также собирают данные о доходах, однако их анализ обычно ведется только в логике оценки динамики номинальных и реальных доходов, но не изучения модели доход-

ной стратификации в целом, в том числе как отражения специфики этапа развития российского социума.

В этой связи задачи исследования, результаты которого предлагаются читателю в данной книге, определились его основной целью — комплексным изучением состояния и динамики модели доходной стратификации российского общества и численности отдельных составляющих ее групп за последние 25 лет с учетом международных сопоставлений, а также территориально-поселенческих особенностей этой модели внутри самой России.

Нетипична для России, хотя, как показано в книге, широко используется в мире, и методология проведенного исследования. В этой связи надо отметить, что разработка методологии анализа доходной стратификации, позволяющей выделить реальные, а не статистические социальные группы, представляет собой очень нетривиальную задачу. Хотя доходная стратификация является одним из наиболее простых подходов к анализу социальной структуры, она требует учета не только размера доходов, но и особенностей распределения доходного неравенства, выделения относительно гомогенных по их жизненным возможностям доходных групп, оценки устойчивости особенностей этих групп и специфичности характера их реакции на социально-экономические шоки. Сложность этой задаче добавляет и тот факт, что подходы к определению и анализу стандартов жизни, отражающихся в доходах, в современной социологической и экономической литературе очень многообразны, в т. ч. в зависимости от уровня развития страны и существующего в ней типа социума, напрямую связанных с ее прошлым историческим опытом и особенностями культуры. В разных странах и на разных этапах их развития для выделения групп в рамках доходной структуры используются поэтому не просто различные границы, но принципиально разные подходы к определению этих границ.

Поиск ответа на вопрос о том, какой из этих подходов является оптимальным для России, — самостоятельная научная задача. Подробно эта проблема с использованием большого числа зарубежных и российских источников освещена в первом разделе данной книги, однако уже сейчас отметим, что как в российской практике (в т. ч. в данных ФСГС РФ), так и в международных исследованиях

доходных неравенств (проводимых, например, Всемирным банком) для развивающихся стран, к каковым обычно относится и Россия, используется абсолютный подход к доходной стратификации, т. е. определение групп через границы, априори задаваемые конкретными суммами доходов. В то же время проведенный нами эмпирический анализ, результаты которого изложены в первом разделе книги¹, показал, что в российских условиях более целесообразным является применение не абсолютного, а относительного подхода к доходной стратификации, также широко используемого в мире, но в основном в развитых странах. Одна из вариаций этого подхода основана на использовании медианных значений доходов, отражающих типичный уровень жизни конкретного общества на определенном этапе его социально-экономического развития. Именно эта методика и легла в основу исследования, результаты которого изложены в данной книге.

Кроме исключительно методологических сюжетов, в первом разделе монографии дана также характеристика особенностей жизни и поведения представителей различных доходных групп и их реакции на кризис 2014–2016 гг. Зафиксированная при этом специфика свидетельствует о том, что выделенные в рамках построения модели доходной стратификации группы — это реальные социальные группы, различающиеся особенностями их жизненных возможностей и установок. Еще одним свидетельством этого стали результаты анализа рисков, которым подвержены представители этих групп, прежде всего — рисков оказаться в числе бедных при ухудшении экономической ситуации в стране, также представленные в первом разделе книги.

Во втором разделе книги² дается характеристика российской модели доходной стратификации с учетом ее динамики за последние 25 лет и проводится ее сравнение с ситуацией в ряде других стран мира, прежде всего — разных типов европейских стран.

¹ Авторами глав, входящих в первый раздел книги, являются В. А. Аникин (главы 1.1 и 1.3), Ю. П. Лежнина (глава 1.1), С. В. Мареева (главы 1.2 и 1.5), Е. Д. Слободенюк (глава 1.6). Ю. П. Лежнина и С. В. Мареева являются также авторами данного введения.

² Авторами глав, входящих во второй раздел книги, являются А. В. Каравай (главы 2.1 и 2.5), Ю. П. Лежнина (глава 2.4), Н. Е. Тихонова (главы 2.1, 2.2 и 2.3) и Е. Д. Слободенюк (глава 2.6). Н. Е. Тихонова является также автором заключения к данной книге.

В разделе показано, что Россия по типу доходной стратификации массовых слоев населения относится к странам европейского культурно-цивилизационного ареала, но отличается от них чрезвычайно глубоким отрывом элитных и субэлитных групп от массовых слоев общества, характерным для неевропейских ареалов развития. В этом же разделе представлены и результаты анализа пространственной неоднородности нашей страны в контексте проблематики доходной стратификации и продемонстрировано, что общая модель доходной стратификации корректно отражает локальное неравенство в населенных пунктах разного типа с учетом свойственных им стандартов жизни. Отдельно рассмотрены также вопросы, связанные с обусловленностью принадлежности россиян к тем или иным доходным слоям различными факторами индивидуального характера: пола, возраста, уровня образования, сферы занятости и т. д. Самостоятельным сюжетом в рамках этого анализа стало и изучение факторов бедности в российском обществе.

Реализация такого комплексного, многоаспектного замысла стала возможна только благодаря использованию в процессе анализа богатой эмпирической базы. В нее вошли данные ряда тематических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН за 2004–2017 гг., исследований Института комплексных социальных исследований РАН и Российского независимого института социальных и национальных проблем за 1994–2003 гг., а также широко известного во всем мире Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 1994–2015 гг.³ Для международных сопоставлений были использованы данные Международной программы социальных исследований (The International Social Survey Programme⁴), позволившие провести сравнение эволюции моделей доходной стратификации в России и ряде стран из разных регионов мира — от Швеции и Германии до Мексики и Венесуэлы — за период 1994–2015 гг. Широко используются в книге и статистические данные, причем как показатели ФСГС РФ, так и Всемирного банка и других международных организаций.

³ См. подробнее Приложение 1 и примечания относительно эмпирической базы анализа в тексте книги.

⁴ Подробнее об этой Программе см. www.issp.org.

В заключение хотелось бы выразить глубокую благодарность руководству Института социологии ФНИСЦ РАН и в первую очередь его директору, академику М. К. Горшкову, за предоставленные для исследования данные и постоянную поддержку нашего научного коллектива. Искреннюю благодарность за поддержку хотелось бы выразить и руководству Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в особенности директору Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Н. Овчаровой. Особо хотелось бы отметить также, что наше исследование осуществлялось при участии Российского фонда фундаментальных исследований, профинансировавшего проект «Динамика модели доходной стратификации российского общества в социологическом измерении (1992–2017)»⁵, ставший завершающей точкой работы нашего авторского коллектива по проблематике доходной стратификации.

⁵ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 17-03-00290.

Глава 1.4. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа рисков бедности

Определение порогов, разделяющих между собой доходные группы, может проводиться не только с помощью разного рода статистических методов, но и с помощью содержательного анализа, в частности анализа, основанного на сравнении рисков бедности для людей, имеющих разный уровень доходов. Для определения границы повышенных рисков бедности в науке предлагаются различные методики. Одна из таких методик, уже упоминавшаяся в главе 1.1, заключается в фиксации того уровня доходов, который страхует от бедности не менее чем с 90-процентной вероятностью, т. е. свидетельствует о рисках бедности в соответствующей группе, не превышающих 10%¹. В рамках настоящего исследования эта методика была апробирована на репрезентативных для России массивах РМЭЗ НИУ ВШЭ применительно к разным доходным группам. Постановка такой исследовательской задачи подразумевала сопоставление порогов бедности, понимаемой в соответствии с двумя основными теоретическими ее концепциями — абсолютной и относительной. Кратко напомним о сути двух этих теоретических подходов.

Суть абсолютного подхода к бедности заключается в том, что бедность в его рамках понимается через соотношение с неким абсолютом — экспертно-заданным стандартом жизни. Таким стандартом может выступать, например, число калорий, необходимых для физического выживания человека как живого организма (в таком случае абсолютная черта бедности будет определена на заведомо низком уровне). Абсолютный подход к бедности предназначен для выявления приоритетных адресатов социальной поддержки. По этой причине «черта бедности» во многом определяется также и бюджетными возможностями каждого конкретного государства или международных организаций. На расчет этой черты влияет

¹ *López-Calva L. & Ortiz-Juarez E. A vulnerability approach to the definition of the middle class // Journal of Economic Inequality. 2014. Vol. 12.*

и то, с какой проблемой выстраиваемая социальная политика призвана справиться, какой группе населения предоставлять помощь — узкому кругу наиболее беднейших членов общества в большем объеме или широким массам населения, но в меньшем объеме.

Основа абсолютного подхода к бедности была заложена Б. Роунтри², который впервые применил его на больших объемах статистических данных. Впоследствии методика расчета черты абсолютной бедности (прожиточного минимума) на основе потребительской корзины была утверждена на международном уровне в соответствии с Конвенциями МОТ № 82 «О социальной политике на территориях вне метрополии» (ст. 9, ч. 2) и № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики» (ст. 5, ч. 2), принятыми в Женеве и вступившими в силу в 1955 и 1964 гг. В соответствии с ними, «при установлении прожиточного минимума принимаются во внимание такие основные потребности семей работников, как продукты питания и их калорийность, жилище, одежда, медицинское обслуживание и образование»³. В нашей стране аналогичная методика была введена еще в начале существования СССР и впоследствии неоднократно адаптировалась к изменяющимся социально-экономическим условиям. Именно на основе абсолютного подхода в рамках государственной социальной политики в нашей стране десятилетиями определялась категория «малоимущих», имеющих право претендовать на особые трансферты и льготы от государства.

В соответствии с описанной выше логикой абсолютного подхода группа бедного населения может в принципе отсутствовать в обществе ввиду того, что даже наиболее беднейшие его представители могут поддерживать уровень жизни выше заложенного в «черте бедности». Так, например, широко используемые Всемирным банком для поиска территориальной локализации беднейших жителей планеты границы оказываются, как уже отмечалось в главах 1.1 и 1.2 данной книги, фактически неприменимыми к российскому

² Rowntree B. Poverty — a study of Town Life. London: Macmillan, 1901; Rowntree B., Kendall M. How the Laborer Lives. London: Thomas Nelson and Sons, 1913.

³ Конвенция МОТ № 82. О социальной политике на территориях вне метрополии. Женеве, 1955 (URL: www.conventions.ru/view_base.php?id=265); Конвенция МОТ № 117. Об основных целях и нормах социальной политики. Женеве, 1964 (URL: www.conventions.ru/view_base.php?id=295).

обществу, т. к. они выявляют другой феномен бедности, типичный для развивающихся обществ, еще не прошедших в полной мере периоды индустриализации и урбанизации⁴.

Относительная черта бедности, которая использована в методике доходной стратификации в рамках настоящего исследования, имеет под собой иное теоретическое осмысление феномена бедности. Относительный подход к ней позволяет выделить ту часть населения, которая не имеет возможности поддерживать типичный для данного сообщества образ жизни, претерпевает множественные лишения и в этой связи осознается всеми представителями данного общества как группа, «выпадающая» по своему уровню жизни из некоей принятой в нем нормы. Следуя этому подходу, в любом обществе, вне зависимости от его экономического благополучия и особенностей этапа исторического развития, присутствуют «свои» бедные.

Относительный подход к бедности имеет длительную историю развития, основы его были заложены еще П. Таунсендом в 1970–1980-х гг.⁵, а первые методики в рамках этого подхода опирались на немонетарные показатели — индексы лишений. Перечень лишений первоначально был определен П. Таунсендом экспертным путем, однако впоследствии Дж. Мак и С. Лэнсли⁶ развили его методологию, предложив получать набор используемых в индексе депривации лишений на основе опросов о признаках бедности представителей общества, имеющих разный уровень жизни, т. е. принадлежащих как к бедным, так и к среднеобеспеченным и богатым слоям населения. Эмпирическая апробация использованного подхода подтвердила его надежность, т. к. ключевые маркеры бедности оказались типичными в представлениях всех членов общества вне зависимости от их уровня жизни.

Впоследствии такая «немонетарная», относительная черта бедности была оценена в денежном эквиваленте, который для развитых стран оказался находящимся в диапазоне 0,4–0,7 от медианы душевых доходов. В настоящем исследовании, учитывая

⁴ Тихонова Н. Е. Структурные предпосылки и основные типы российской бедности // *Общественные науки и современность*. 2014. № 2.

⁵ Townsend P. Deprivation // *Journal of Social Policy*. 1987. Vol. 16. Part 2; Townsend P. Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living. N. Y., 1979.

⁶ Mack J., Lansley S. Poor Britain. London: George Allen and Unwin, 1985.

уровень экономического развития нашей страны, нами тестировались в качестве возможной относительной черты бедности показатели в 0,5 и 0,75 от медианы душевых доходов. При этом в процессе их тестирования мы исходили из того, что размер прожиточного минимума в России (т. е. черта бедности, выделенная в рамках абсолютного подхода к ней) передает представление общества о том наборе лишений, который соответствует отклонению от характерного для него «нормального» уровня жизни.

Таким образом, поставленная нами перед собой задача верификации относительных границ уязвимости к бедности в рамках используемой методики доходной стратификации заключалась в ответе на вопрос, какой доход страхует от сползания за черту установленного в Российской Федерации прожиточного минимума с 90-процентной вероятностью — 0,5 медианы доходного распределения или же какой-то иной.

Соответствующий анализ производился нами, как уже было отмечено выше, на основе эмпирических данных исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. Так как доходы населения нестабильны и связаны с внешними экономическими и социальными условиями, нами были выбраны сразу четыре (22–25) волны исследования, охватывающие как благополучные предкризисные годы (2012–2013 гг.), так и период экономического кризиса 2014–2016 гг. (т. е. опросы 2014–2015 гг.). Использовались как репрезентативные (для оценок масштабов бедности), так и полные (для формирования панели и анализа рисков бедности в долгосрочной перспективе) базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, на которых были выделены подмассивы совершеннолетних россиян. Риск бедности определялся через вероятность попадания представителей разных доходных групп в группу имеющих среднедушевые ежемесячные доходы в домохозяйствах ниже уровня регионального прожиточного минимума. Это позволило сопоставить абсолютную и относительную черты бедности применительно к условиям современной России, а также оценить границы высоких рисков бедности в рамках предложенной нами версии доходной стратификации населения.

Для достижения максимальной сопоставимости наших оценок в рамках абсолютного подхода с данными статистики нами была выбрана методика, приближенная к используемой ФСГС РФ: абсолютная «черта бедности» рассчитывалась индивидуально для

каждого домохозяйства путем суммирования относившихся к нему нормативов прожиточных минимумов за IV квартал каждого года (поскольку эмпирические данные опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ в подавляющем большинстве собираются именно в IV квартале) в зависимости от региона проживания домохозяйства и его индивидуального состава (количества детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста в нем). Полученная величина соотносилась с совокупным доходом домохозяйства, который указывался самим респондентом. К числу бедных в результате этой процедуры были отнесены все домохозяйства, совокупный доход в которых оказался меньше рассчитанного индивидуально для каждого из них совокупного прожиточного минимума. Использование региональных значений прожиточного минимума было обусловлено тем, что величина прожиточного минимума в России определяется для каждого региона в отдельности и может различаться в разных регионах достаточно сильно. Так, если говорить о соотношении этой величины со средними по стране показателями, то наибольший прожиточный минимум характеризует такие регионы, как Ненецкий автономный округ, Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия) и г. Москва. В этих регионах он составлял в 2015 г. соответственно 18711, 18427, 17469, 16845, 15752, 15515 и 14413 руб. Минимальный же размер прожиточного минимума был в Курской, Воронежской, Тамбовской областях, а также в республиках Мордовия и Татарстан, где его показатели составляли в 4 квартале 2015 г. 7916, 7884, 7834, 7863 и 7775 руб. соответственно.

В анализируемые четыре года доля бедных, выделенных согласно указанной методике, приросла с 17,7 до 22,5% (табл. 1.20). В относительном выражении этот рост был таким же, как и по данным ФСГС РФ, но в абсолютном выражении по данным ФСГС РФ доля бедных была значительно ниже — 13,3% (и в последующие годы не изменилась — 13,3 и 13,2% в 2016 и 2017 гг.). Отчасти это объясняется методологией подсчета доходов населения, используемой ФСГС РФ⁷, в которой предполагается доначисление скрытых доходов, чего мы не делали. Отчасти же это может быть связано с особенностями выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ.

⁷ Подробнее см. на официальном сайте ФСГС РФ (URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#).

Таблица 1.20

Масштабы бедности в 2012–2015 гг. согласно
абсолютному подходу к бедности, %

Масштабы бедности согласно различным оценкам	2012	2013	2014	2015
Доля бедных на основе данных исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ	17,7	18,0	19,0	22,5
Доля бедных согласно официальным данным ФСГС РФ ⁸	10,7	10,8	11,2	13,3

Прирост доли бедных подтверждается также результатами других исследований⁹. В целом, судя по имеющимся социологическим данным, в условиях кризиса как минимум каждый пятый россиянин пребывал в бедности. Расширение масштабов этой группы, однако, практически не привело к изменению ее портрета, поскольку она пополнились в условиях кризиса представителями широкой периферийной зоны бедности, формально имевшими раньше доходы выше прожиточного минимума, однако фактически ведущими образ жизни, характерный для бедных слоев населения¹⁰.

Рассмотрим теперь, каковы были риски попадания в абсолютную бедность у россиян, характеризующихся разными по величине доходами по отношению к их медиане. Как мы уже отмечали выше, маркером, определяющим высокие риски бедности, выступает порог, превышающий 10%¹¹. В данном исследовании под «риском» бедности для разных доходных групп понимается вероятность у представителей этих групп оказаться в числе населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума в регионе проживания. Для решения этой задачи сначала было необходимо определить, в какой доходной группе (процентиле) относительно страновой медианы душевых доходов вероятность попадания

⁸ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода. ФСГС РФ (URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.doc).

⁹ Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под общ. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2016; *Слободенюк Е. Д.* Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекарнизация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ *López-Calva L. & Ortiz-Juarez E.* A vulnerability approach to the definition of the middle class // Journal of Economic Inequality. 2014. Vol. 12.

в бедность начинает резко расти и число бедных превышает 10%. Однако т. к. стоимость жизни и прожиточный минимум в России очень сильно различаются в отдельных регионах, для надежности полученных результатов они были проверены также на доходных группах, рассчитанных на основе региональных медиан. Кроме того, для оценки масштабов влияния на полученные результаты специфики региональных социальных структур, также различающихся между собой достаточно сильно (см. главу 2.4), был проведен дополнительный анализ, в котором мы использовали методику, опирающуюся на значения максимального уровня доходов в регионе проживания респондентов. При этом, согласно общей логике исследования, на первом этапе анализа рассматривалось лишь взрослое население страны. Однако учитывая тот факт, что феномен бедности в России чувствителен к наличию в домохозяйстве детей несовершеннолетнего возраста, при анализе связи границ бедности с общей доходной структурой региона анализировались респонденты всех возрастов. Рассмотрим пошагово результаты по каждому из этих видов анализа.

Для того, чтобы оценить **риск бедности для разных доходных групп, выделенных на основе соотношения их доходов с медианой доходного распределения**, в каждом календарном году из четырех рассматривавшихся были высчитаны различные медианы среднедушевых доходов: страновая (как наиболее надежный показатель, используемый нами в рамках всего исследования), региональная (как показатель, в большей степени соответствующий абсолютной методологии выделения бедных органами государственной статистики¹²), а также по типам поселений (как альтернативный региональной медиане и более надежный с точки зрения репрезентативности показатель пространственного аспекта бедности). На основе полученных показателей в каждом из трех вариантов расчетов были сформированы пятипроцентные группы

¹² Несмотря на то, что выборки исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ по региональному принципу не являются репрезентативными, мы не могли обойти стороной региональную специфику доходных распределений, т. к. оценки масштабов бедности в России напрямую связаны с региональными значениями прожиточного минимума. Однако полученные на основе региональных показателей результаты исследования в силу нерепрезентативности данных РМЭЗ НИУ ВШЭ в региональном разрезе стоит использовать с осторожностью.

по доходам, половина из которых имели доходы не выше медианы, а половина — выше нее. Во всех этих группах была оценена доля россиян, доходы которых оказались ниже прожиточного минимума, рассчитанного исходя из состава домохозяйства, в котором они проживали. Затем эти группы для удобства визуализации результатов в таблицах были частично укрупнены с учетом их реального наполнения респондентами, в результате чего их количество сократилось (табл. 1.21).

Таблица 1.21

Доля бедных россиян в различных доходных группах, выделенных на основе медианы доходного распределения, данные РМЭШ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Год	<= 0,25	0,26–0,30	0,31–0,35	0,36–0,40	0,41–0,45	0,45–0,50	0,51–0,55	0,56–0,60	0,61–0,65	0,66–0,70	0,71–0,75	0,76–0,80	0,81–0,85	0,86–0,90	0,91–0,95	0,96–1,00	1,01–1,05	1,06–1,10	1,11–1,15	1,16–1,20	1,21–1,25	>=1,26
<i>Страновая медиана среднедушевых доходов</i>																						
2012	100	100	100	100	96	85	69	30	22	9	8	5	2	2	2	0	0	0	0	0	0	0
2013	100	100	100	100	98	93	68	37	18	12	7	4	1	2	2	0	0	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	100	99	94	83	50	16	17	10	5	3	1	2	0	0	0	0	0	0	0
2015	100	100	100	100	100	97	95	84	56	30	17	9	5	5	3	2	3	5	1	0	0	0
<i>Региональная медиана среднедушевых доходов</i>																						
2012	100	100	100	98	96	86	68	54	35	24	17	14	6	6	2	2	1	2	0	0	0	0
2013	100	100	100	97	97	88	65	56	38	33	21	12	14	8	4	2	2	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	99	96	91	73	59	46	34	21	14	11	9	6	10	5	2	2	2	0	0
2015	100	100	100	100	100	99	92	73	60	46	35	23	17	13	9	7	2	2	1	2	0	0
<i>Медиана среднедушевых доходов по типам поселений</i>																						
2012	100	100	100	99	93	79	70	47	29	23	14	6	4	2	2	3	3	0	0	0	0	0
2013	100	100	100	99	96	63	67	50	40	25	17	11	4	4	3	0	1	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	100	100	87	69	57	35	32	19	14	7	2	3	2		0	0	0	0	0
2015	100	100	100	100	100	99	92	73	60	46	35	23	17	13	9	7	2	2	1	2	0	0

Как видно из табл. 1.21, бедные по абсолютному подходу составляют большинство в группах с доходами от 0,5 до 0,66 общероссийской, от 0,55 до 0,66 региональной и от 0,5 до 0,6 (включительно) поселенческой медианы. Таким образом, традиционные для развитых стран границы бедности по относительному подходу

в 0,5–0,7 медианных распределений применимы и в нашей стране. Менее тривиальной задачей является определение зоны высоких рисков бедности, которые гораздо сильнее зависят от экономической ситуации, чем собственно абсолютная черта бедности. Как свидетельствуют данные (табл. 1.21), переход от рисков бедности, превышающих 10%, к рискам бедности, меньшим, чем 10%, располагается в интервале значений от 0,6 до 0,9 медианы, однако точное его значение колеблется в зависимости от календарного года (соответствующего разным этапам экономического цикла — росту, рецессии, кризису) и выбранного показателя медианы среднедушевых доходов (страновой, региональной, поселенческой).

При этом показатель порогового значения доходов, страхующих от бедности с 90-процентной вероятностью, оказался в наибольшей степени чувствительным именно к тому, в какой экономической обстановке проводилось исследование. Это не удивительно, т. к. выбранный нами временной интервал характеризовался начавшейся в его рамках экономической рецессией, а затем и экономическим кризисом с сопутствовавшим им падением покупательной способности российского рубля, а также сокращением / задержками заработных плат, с чем чаще всего сталкивались именно бедные и малообеспеченные россияне. По этой причине в условиях кризиса доходы россиян сокращались, медиана доходов все больше приближалась к прожиточному минимуму, а относительная черта бедности, соответственно, повышалась. В итоге в экономически стабильные годы черта высоких (более 10%) рисков бедности располагалась на уровне 0,65–0,70 от страновой медианы среднедушевых доходов, а в годы экономической рецессии и кризиса — на уровне 0,70–0,75 медианы. *Таким образом, граница в 0,5 медианы душевых доходов отсекает не всех бедных, а только их наиболее неблагополучную часть. Граница же в 0,75 медианы действительно «отлавливает» как собственно бедных, так и тех, кто характеризуется высокими рисками оказаться в числе бедных, близок к ним по уровню жизни или подвержен «плавающей бедности».*

Учет пространственной неоднородности России несколько корректирует эти оценки. Применение медианы среднедушевых доходов, рассчитанных для различных типов поселений (городов различной численности, а также ПГТ и сел), повышает эти оценки до 0,75–0,80 в 2012–2013 гг. и 0,80–0,85 в 2014–2015 гг. Отчасти

это повышение границ объясняется тем, что величина прожиточного минимума в России не дифференцирована по типам поселений. Это означает, что в типах поселений с более низким уровнем жизни прожиточный минимум, установленный в ценах всего региона, оказывается более приближенным к медиане среднедушевых доходов в них, нежели в крупных городах того же региона.

Использование региональной медианы еще сильнее поднимает черту относительно высоких (более 10%) рисков бедности — до 0,80–0,85 в докризисные и 0,85–0,90 в кризисные годы, что объясняется высокой долей в России регионов, медианный уровень доходов в которых приближен к величине прожиточного минимума (табл. 1.22).

Таблица 1.22

Соотношение величины прожиточного минимума (ПМ), установленного в регионе проживания на душу населения (в IV квартале 2015 г.), к величине региональной медианы среднедушевых доходов в отдельных регионах, рассчитанной на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Регион проживания	Соотношение ПМ и расчетного значения региональной медианы	Региональный ПМ на душу населения¹³	Региональная медиана доходов (РМЭЗ НИУ ВШЭ)
Республика Татарстан	0,50	7 775	15 567
Челябинская область	0,52	9 038	17 500
Московская область	0,52	10 460	20 000
Ленинградская область	0,53	8 722	16 327
Город Санкт-Петербург	0,56	10 043	18 000
Липецкая область	0,58	8 008	13 764
Нижегородская область	0,59	8 382	14 167
Тульская область	0,63	8 626	13 767
Приморский край	0,63	12 535	20 000
Томская область	0,63	10 387	16 400

¹³ Значения указаны в соответствии с данными интернет-ресурса «Потребкор.ру», предоставляющего актуальную информацию о постановлениях региональных правительств, в т. ч. и установленных в соответствии с ними значениях региональных прожиточных минимумов для разных групп населения (URL: potrebkor.ru/index.html).

Продолжение табл. 1.22

Смоленская область	0,66	9918	14950
Ростовская область	0,67	9109	13500
Тамбовская область	0,68	7834	11500
Оренбургская область	0,69	8053	11667
Республика Чувашия	0,70	8071	11551
Пермский край	0,70	9582	13664
Курганская область	0,70	8793	12500
Город Москва	0,72	14413	20067
Республика Удмуртия	0,72	8473	11750
Калужская область	0,72	8958	12420
Новосибирская область	0,73	10117	13800
Тверская область	0,75	9427	12583
Ставропольский край	0,80	8027	10000
Волгоградская область	0,87	8669	10000
Республика Кабардино-Балкария	0,97	9366	9667
Пензенская область	0,98	8120	8250
Амурская область	1,24	11555	9333

Такое соотношение доходов и рисков бедности значительно отличается от ситуации в развитых странах, где, как уже упоминалось ранее, в качестве относительной черты бедности обычно используют 0,4–0,7 (а чаще 0,5–0,6) от величины медианы среднедушевых доходов, границей же высоких рисков бедности выступает 0,75 медианы доходов (см. главу 1.1). В то же время в России лишь в четверти регионов, входящих в выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ, прожиточный минимум составлял в рассматриваемый период не более 60% от региональной медианы, в то время как в каждом пятом регионе медиана доходов была так низка, что прожиточный минимум составлял от нее не менее 80% (табл. 1.22). Это свидетельствует о большей, чем в западных странах, близости официально установленной в нашей стране черты бедности к норме жизни в России в целом и в некоторых регионах в особенности. Последнее, однако, стоит понимать не как завышенность прожиточного минимума в нашей стране (т. е. неадекватность заложенного в нем стандарта жизни существующим социально-экономическим реалиям и бюджетным возможностям),

а как заниженность медианных доходов во многих регионах, вызванную высоким уровнем доходного неравенства (о котором заявляют и сами россияне, когда называют наиболее острые, на их взгляд, неравенства, существующие сегодня в нашем обществе¹⁴). При этом не стоит забывать также, что прожиточный минимум устанавливается региональными властями во многом исходя не только из стоимости жизни в них, но и из возможностей бюджета. Потому, например, в Москве, стоимость жизни в которой в достаточной степени сопоставима с ситуацией в Санкт-Петербурге, прожиточный минимум составлял в 4 квартале 2015 г. 14413 руб. при 10043 рублей в Северной столице. Разрыв же в медианных доходах в них был гораздо меньше, что приводило и к разным показателям соотношения прожиточного минимума и региональной медианы в Москве и Петербурге (0,72 против 0,56 соответственно). Таким образом, это соотношение зависит как от уровня доходов населения конкретного региона, так и от политики его властей, и даже за схожими показателями формирующих высокие риски бедности уровня доходов могут скрываться совершенно разные социально-экономические и политические реалии. Поэтому опора на страновые показатели (при понимании региональной неоднородности доходной стратификации) выглядит все же более надежной, чем использование классификации, в основе которой лежат региональные медианы доходов. В пользу выбора страновой медианы говорят также необходимость ценностного единства и постепенного выравнивания стоимости жизни страны на всем пространстве России.

Данные подтверждают все вышесказанное и применительно к разным типам поселений. Соотношение прожиточного минимума и медианы доходов в рамках одного региона, но в разных типах поселений может значительно отличаться ввиду различий уровня жизни в них. Так, в Саратовской области указанный показатель составляет 0,56 в Саратове и 0,80 в Вольске, а в Краснодарском крае 0,60 в Краснодаре и 0,77 в Кущевском районе.

Если рассмотреть не только совершеннолетних, как было сделано выше, но и все население страны, включая детей и подростков до 18 лет, то выделенные границы высоких рисков бедности приме-

¹⁴ *Мареева С.В., Тихонова Н.Е.* Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2.

нительно к разным доходным группам, за исключением кризисного 2015 г., практически не изменяются (табл. 1.23). В 2015 г. *относительная* черта высоких рисков бедности приподнимается в этом случае до 0,85 страновой медианы.

Таблица 1.23

Доля бедных россиян в различных доходных группах, выделенных на основе медианы доходного распределения, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., % россиян всех возрастов

Год	<= 0,25	0,26–0,30	0,31–0,35	0,36–0,40	0,41–0,45	0,45–0,50	0,51–0,55	0,56–0,60	0,61–0,65	0,66–0,70	0,71–0,75	0,76–0,80	0,81–0,85	0,86–0,90	0,91–0,95	0,96–1,00	1,01–1,05	1,06–1,10	1,11–1,15	1,16–1,20	1,21–1,25	>=1,26
<i>Страновая медиана среднедушевых доходов</i>																						
2012	100	100	100	100	97	86	72	33	22	10	9	6	2	2	2	0	0	0	0	0	0	0
2013	100	100	100	100	98	93	71	39	19	12	8	4	1	2	3	0	0	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	100	99	95	86	51	17	20	9	7	3	1	3	0	0	0	0	0	0	0
2015	100	100	100	100	100	98	96	86	56	31	18	11	6	6	4	3	3	4	1	0	0	0
<i>Региональная медиана среднедушевых доходов</i>																						
2012	100	100	100	98	95	88	72	55	37	25	18	16	5	6	2	2	1	2	0	0	0	0
2013	100	100	100	97	97	89	67	57	42	34	20	13	14	7	4	2	2	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	99	97	93	73	62	48	34	23	15	12	9	7	9	5	2	3	2	0	0
2015	100	100	100	100	100	99	93	75	62	47	38	25	18	12	8	7	2	2	1	3	0	0
<i>Медиана среднедушевых доходов по типам поселений</i>																						
2012	100	100	100	99	94	81	70	49	32	27	15	7	4	2	2	3	3	0	0	0	0	0
2013	100	100	100	99	96	63	68	53	40	28	20	14	4	4	3	1	1	0	0	0	0	0
2014	100	100	100	100	99	87	69	59	37	37	21	16	8	3	4	2	0	0	0	0	0	0
2015	100	100	100	100	100	97	78	73	50	45	40	23	21	14	7	3	5	1	0	2	0	0

Рассмотрим теперь **риски бедности на основе данных не о медиане, а о разбросе доходов в регионах России**, т. е. ту часть нашего анализа, которая была проведена в рамках дополнительной проверки относительной черты бедности. В ходе нее нами было произведено разбиение общества на 5-процентные группы по доходам, исходя из величины наивысшего дохода в каждом отдельном регионе¹⁵, с последующим поиском той 5-процентной группы,

¹⁵ В некоторых регионах в единичных случаях максимальные значения среднедушевых доходов в разы отличались от следующих по размеру

начиная с которой доля бедных становится устойчиво меньше 10%. Полученная в ходе этого анализа модель доходной стратификации имела вид «юлы» (тот же результат Н. Е. Тихонова получила при анализе уровня жизни населения с помощью специального индекса¹⁶) с концентрацией большей части населения в нижних доходных группах и очень высоким «шпилем» даже среди массовых слоев, скрывающим за собой небольшую долю высокодоходного населения (рис. 1.6). При этом с учетом не попадающих в массовые опросы групп населения этот «шпиль» должен был бы быть увеличен в сотни раз. Мы решили привести в данной работе и результаты использования такой методики, хотя понимаем условность выделения в рамках нее отдельных 5-процентных групп с учетом «плавающего» показателя максимального дохода в каждом отдельном регионе и даже в стране в целом в рамках конкретных опросов. Тем не менее, учитывая достаточно большую устойчивость полученных моделей, хорошо прослеживающуюся на рис. 1.6, такая методика построения моделей доходной стратификации также имеет, на наш взгляд, право на существование, тем более что она очень наглядно передает концентрацию подавляющего большинства российского населения в группах, в которых присутствуют риски оказаться в числе бедных.

В то же время динамический анализ рисков бедности показывает, что случаи попадания в бедность в рассматриваемые годы встречались в различном количестве выделенных с помощью такой методики 5-процентных групп. Иногда это были пять, а в иные годы — шесть нижних 5-процентных доходных групп, причем при переходе от первой 5-процентной группы к каждой последующей доля бедных в их составе снижалась в 1,5–2 раза (табл. 1.24). Доходы менее 15% (в 2012–2013 гг.) и 20% (в 2014–2015 гг.) от максимальных по региону приводят к довольно высоким рискам бедности — более 10%, в то время как доходы, превышающие эти значения, наоборот, устойчиво страхуют от бедности по крайней мере с 90-процентной вероятностью.

(например, 80 000 руб. и 400 000 руб.) и выходили при этом за типичные для респондентов массовых опросов доходы. В таких случаях в качестве максимального значения брался второй по величине максимальный доход. Интервалы доходов 5-процентных и 1-процентных групп определялись посредством деления максимальной величины среднедушевых доходов на 20 и 100 соответственно.

¹⁶ Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.

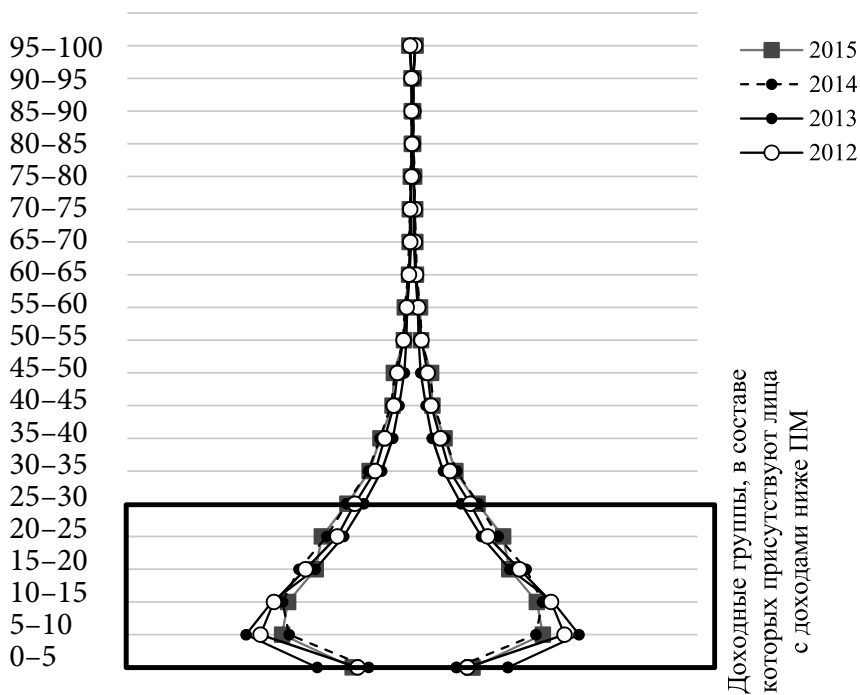

Рис. 1.6. Модель доходной стратификации, построенная на основе выделения 5-процентных групп по доходам с учетом их разброса от минимальных до максимальных в конкретных регионах, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Таблица 1.24

Доля бедных в 5-процентных группах по доходам, выделенных с учетом их разброса от минимальных до максимальных в конкретных регионах, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Доходные группы	2012	2013	2014	2015
1 группа (0–5%)	79,8	47,0	68,9	52,1
2 группа (от 5 до 10%)	31,5	30,1	41,6	46,0
3 группа (от 10 до 15%)	15,3	18,2	25,8	37,9
4 группа (от 15 до 20%)	8,8	7,4	13,4	19,5
5 группа (от 20 до 25%)	3,7	0,7	4,7	3,7
6 группа (от 25 до 30%)	1,8	0,0	1,1	0,0
7–20 группы (от 35 до 100%)	0,0	0,0	0,0	0,0

Таким образом, устойчивый переход к рискам бедности, не превышающим 10-процентного значения, в стабильные периоды экономического развития происходит между 3- и 4-й пятипроцентными доходными группами, а в периоды экономических кризисов, как в 2014–2015 гг., — между 4- и 5-й пятипроцентными доходными группами. Для поиска более точной доходной границы указанные группы были разбиты на 1-процентные группы по доходам (табл. 1.25).

Таблица 1.25

Доля бедных в процентах, выделенных с учетом разброса доходов от минимальных до максимальных в конкретных регионах, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Доходные группы	2012	2013	2014	2015
1–15 группы (0–15%)	32,7	29,9	38,7	44,0
16 группа (от 15 до 16%)	11,4	10,6	18,2	20,6
17 группа (от 16 до 17%)	7,8	9,7	17,9	20,4
18 группа (от 17 до 18%)	13,8	8,6	7,6	24,6
19 группа (от 18 до 19%)	7,9	4,0	11,0	14,1
20 группа (от 19 до 20%)	2,0	3,3	9,5	15,6
21 группа (от 20 до 21%)	1,5	0,2	7,4	13,7
22–100 группы (от 22 до 100%)			1,0	0,0

Как видим, устойчиво низкими (менее 10%) рисками бедности в 2012–2013 гг. характеризовались россияне с доходами, превышающими 16% от максимальных по региону, в то время как в два последующих года это значение подросло ввиду сильного «проседания» всего населения по доходам в условиях кризиса и стало соответствовать 20-му проценту в 2014 г. и 22-му проценту в 2015 г. соответственно. Таким образом, в зависимости от смены внешних экономических условий уровень доходов, спасающих от бедности, является «плавающей» величиной. Поскольку же, как будет показано в последующих главах нашей книги, в наибольшей степени в кризис упали доходы именно высокодоходных групп населения из числа массовых его слоев, то и гра-

ницы процентилей в соответствии с методикой их расчета именно в кризис сместились вниз. Кроме того, даже при стабильности доходов наиболее благополучной группы в отдельных регионах, на ее положении так же, как и у всех остальных, сказалась инфляция. Следствием всего этого и стало повышение вероятности оказаться в числе бедных с 2013 по 2015 г. более чем в 10% случаев для представителей групп, относящихся к 15–21% доходного распределения в своих регионах.

Отметим в этой связи также, что представители групп с высокими рисками бедности по их абсолютному доходу в любые периоды находятся в массе своей в группе с доходами 0,75–1,25 региональной медианы. Это еще одно свидетельство того, что реально медианный (или близкий к нему) уровень доходов не обеспечивает в России гарантий устойчивости к рискам бедности, хотя и способствует их снижению по отношению к группе с доходами 0,5–0,75 медианы, где они очень высоки.

Очень важным результатом проведенного анализа выступает и тот факт, что *поскольку регионы России сильно дифференцированы по величине доходных неравенств, то граница рисков бедности с учетом региональной дифференциации доходов различается в них очень заметно*. Так, в регионах с высоким неравенством доходы, страхующие от бедности с 90-процентной вероятностью, попадают в группу с доходами более 1,25 медианы, в то время как в регионах с невысоким неравенством — в диапазон от 0,5 до 0,75 медианы. *Однако наиболее типичным для страны в целом является появление относительной устойчивости к рискам бедности (т. е. снижение вероятности иметь доходы ниже прожиточного минимума до уровня менее 10%) на уровне доходов, находящихся в интервале от 0,75 до 1,25 региональной медианы*.

Выше мы рассматривали результаты анализа того, на каком уровне доходов в стране в целом и в отдельных регионах риски иметь доходы ниже регионального прожиточного минимума становятся относительно высоки — выше 10%. Однако не меньший интерес представляет и вопрос о том, где эти риски начинают превышать 50%. Для получения ответа на этот вопрос мы оценили долю лиц с доходами ниже прожиточного минимума в своем регионе в разных доходных процентилях за разные годы (табл. 1.26).

Таблица 1.26

Доля бедных в процентилях, выделенных с учетом разброса доходов от минимальных до максимальных в конкретных регионах, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Доходные группы	2012	2013	2014	2015
1 группа (0–1%)	100,0	100,0	100,0	100,0
2 группа (от 1 до 2%)	100,0	43,7	68,4	100,0
3 группа (от 2 до 3%)	98,8	41,0	56,5	69,8
4 группа (от 3 до 4%)	84,4	52,5	64,1	33,7
5 группа (от 4 до 5%)	61,2	43,7	74,9	43,6
6 группа (от 5 до 6%)	48,8	34,9	75,7	40,6
7 группа (от 6 до 7%)	40,4	28,8	44,1	44,6
8 группа (от 7 до 8%)	27,9	29,8	41,3	60,9
9 группа (от 8 до 9%)	20,4	31,5	30,6	44,3
10 группа (от 10 до 11%)	20,5	25,9	26,6	40,2
11 и последующие группы (от 11 до 100%)	6,8	7,4	9,8	13,3

Как видно из табл. 1.26, уровень доходов, страхующий с не менее чем 50-процентной вероятностью от попадания в бедность, также является плавающей величиной, однако, как и в предыдущем случае, интервал колебаний его значений невелик. В 2012–2015 гг. диапазон его значений составлял 4–9% доходного распределения, за основу которого принимался разброс доходов в конкретном регионе за соответствующий год.

В справочном порядке мы сопоставили и вероятность попасть в группы, характеризующиеся различными рисками бедности, с учетом как их места в доходной стратификации, построенной исходя из медианы доходного распределения, так и исходя из их места в доходной стратификации, построенной на основе разброса доходов в регионах. Как оказалось, границы в этом случае становятся более широкими в силу особенностей методики такого расчета и находятся в разные годы в диапазоне 1,13–1,33 региональной медианы для 10-процентных рисков и 0,3–0,4 для 50-процентных рисков. Это свидетельство очень низкой вероятности встретить бедных в группах с доходами выше 1,25 медианы и, напротив, прак-

тически 100-процентной вероятности встретить их в группе с доходами ниже 0,5 медианы. Реальная же доля людей с доходами ниже прожиточного минимума в составе выделенных нами на основе региональной медианы доходных групп представлена в табл. 1.27.

Таблица 1.27

Доля бедных, обладающих доходами менее прожиточного минимума, в составе различных доходных групп, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2015 гг., %

Доходные группы	2012	2013	2014	2015
<i>По отношению к региональной медиане</i>				
С доходами от 0,75 до 1,25 от региональной медианы	3,6	4,9	7,1	9,1
С доходами 0,5–0,75 от региональной медианы	38,8	42,5	46,2	60,4
С доходами менее 0,5 от региональной медианы	95,5	96,6	97,9	99,5
<i>По отношению к страновой медиане</i>				
С доходами от 0,75 до 1,25 от страновой медианы	1,6	1,0	1,9	4,0
С доходами 0,5–0,75 от страновой медианы	27,0	30,7	39,6	53,8
С доходами менее 0,5 от страновой медианы	97,0	98,0	99,2	99,5

Как видим, россияне, обладающие доходами менее 0,5 от региональной медианы, бесспорно являются в подавляющем большинстве бедными согласно критерию прожиточного минимума. Однако нельзя не отметить тот факт, что в группе с доходами 0,5–0,75 от региональной медианы также около половины всего ее состава в неблагоприятные периоды развития экономики могут составлять люди с доходами менее прожиточного минимума. Учитывая же тот факт, что большинство остальных членов данной группы обладают схожими с ними по величине доходами, но в бедность не попадают ввиду иного состава домохозяйств, сказывающемся и на расчетных размерах прожиточного минимума для них¹⁷, очевидно, что в массе своей они являются представителями ближайшей периферии бедности

¹⁷ Напомним в этой связи, что прожиточный минимум для детей меньше прожиточного минимума трудоспособных, а самый маленький размер прожиточного минимума установлен для пенсионеров. Соответственно, домохозяйства из двух трудоспособных, из трудоспособного и ребенка и из трудоспособного и пенсионера с одним и тем же уровнем доходов могут принадлежать к бедным (в первом случае) или небедным (в двух других).

и ведут схожий с «официальными» бедными образ жизни. А это означает, что в российских условиях группа с доходами 0,5–0,75 — не просто группа «уязвимых к бедности», а группа, представители которой в массе своей также могут быть охарактеризованы скорее как бедное, чем как небедное население — по крайней мере в кризисные периоды.

Таким образом, широко используемые в западных исследованиях доходной стратификации границы в 0,5, 0,75 и 1,25 от медианы среднедушевых доходов подтвердили свою значимость и в нашем исследовании. Однако в условиях России, судя по данным о соотношении групп относительно и абсолютно бедных, наиболее точной относительной чертой, отделяющей заведомо неблагополучные слои от выделенного по доходам «среднего класса» в нижней его части, является уровень доходов, равный 0,75 от медианных.

Анализ рисков бедности будет, впрочем, неполон, если он будет строиться только на «точечных» данных за конкретные календарные годы, т. к. группа бедных неоднородна и включает в себя как хронически прозябающих в бедности россиян, так и попавших в бедность ситуационно ввиду семейных обстоятельств (например, рождения двойни или болезни кормильца). Для того, чтобы учесть внутреннюю структуру группы бедных, включающую ее ядро (хроническую бедность), ближайшую периферию этого ядра (плавающую бедность) и дальнюю его периферию (ситуационную бедность)¹⁸, нами был проведен дополнительный анализ рисков оказаться за чертой бедности на панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2012–2015 гг.¹⁹ В панель были включены исключительно

¹⁸ Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1.

¹⁹ Хотя в наших расчетах использовались лишь 4 года, а не 5, как это было при проверке рисков бедности в западных исследованиях соответствующих порогов (López-Calva L. & Ortiz-Juarez E. A vulnerability approach to the definition of the middle class // *Journal of Economic Inequality*. 2014. Vol. 12), но эти четыре года репрезентировали разные этапы экономического цикла, что позволяло наиболее полно проанализировать риски бедности для обладателей разных доходов. Так, 2012 г. был абсолютно благополучным в экономическом отношении годом. В 2013 г. началась экономическая рецессия. В конце 2014 г., как раз в момент проведения опроса, очень бурно начался экономический кризис. 2015 г. характеризовался очень сложной ситуацией затяжного экономического кризиса с падением реальных доходов населения.

те респонденты, которые принимали участие в опросе на протяжении всех четырех лет, а также чью принадлежность к бедным или небедным слоям населения можно было определить²⁰. Несмотря на то, что построение панели лишает нас возможности предоставлять репрезентативные оценки, масштабы бедности по панельным данным слабо отличались от репрезентативных оценок за соответствующие годы (табл. 1.28), что позволяет с высокой степенью вероятности использовать полученные при анализе панельного массива данные и для общих оценок.

Таблица 1.28

Масштабы бедности в 2012–2015 гг. на основе репрезентативных и панельной выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ, %

Масштабы бедности согласно различным массивам	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Репрезентативный массив данных	17,7	18,0	19,0	22,5
Панельный массив данных	18,5	17,9	18,9	23,0

В соответствии с панельными данными, почти 2/3 всех входящих в панель РМЭЗ НИУ ВШЭ россиян (64,6%) не попадали в бедность за 4 анализируемых года ни разу, в то время как от 1 до 4 лет в бедности провели, соответственно, 13,5% (1 год), 8,4% (2 года), 6,0% (3 года) и 7,5% (весь период наблюдений). Таким образом, 13,5% провели в этом состоянии не менее 3 лет из четырех рассматривавшихся и могут быть охарактеризованы как хронически бедные.

Для того, чтобы узнать, какие доходы с 90-процентной вероятностью позволяют россиянину избежать бедности не только в текущем году, но и в длительной (как минимум 4-летней) временной перспективе, нами был проведен аналогичный предыдущему по использованной в нем методике анализ. В качестве бедных в нем нами рассматривались все россияне, хотя бы один год из четырех в период 2012–2015 гг. имевшие доходы ниже прожиточного минимума (их оказалось 35,4%). Проведенный анализ показал, что граница в 1,25 медианы отнюдь не является в России водоразделом, отделяющим безусловно благополучное население, не имеющее рисков

²⁰ Таким образом, из панели были исключены все респонденты, умолчавшие о доходах.

попасть на относительно длинном временном периоде даже в ситуационную бедность. При этом при использовании региональной медианы доходная граница, с 90-процентной вероятностью спасающая от бедности, была очень высокой и составляла в 2012 г. 2,96, в 2013 г. 3,79, в 2014 г. 2,27 и в 2015 г. 1,91 региональных медиан. Для страновой медианы эти показатели составляли соответственно 2,55, 3,56, 2,26 и 1,80. Эти результаты, при всей их парадоксальности на первый взгляд, на самом деле лишь еще раз подтверждают сделанный выше вывод о том, что *медианная группа не может рассматриваться в современной России как безусловно благополучная, и даже среднедоходные россияне отличаются высокими рисками бедности, если говорить о длительном временном периоде. Низкими же рисками бедности в долгосрочной перспективе характеризуется лишь высокообеспеченная часть россиян, обладающая доходами, в разы превышающими медианное их значение и по региону, и по стране.*

Таким образом, с учетом некоторого усреднения и округления, только граница в 2 медианы, и то лишь с определенной долей условности, может быть названа в современной России «границей гарантированного благополучия». Что же касается рисков хронической бедности (т. е. обладания доходами ниже величины прожиточного минимума на протяжении 3–4 лет за рассматриваемый временной интервал), то доходная граница, с 90-процентной вероятностью спасающая от такой бедности, колебалась в пределах 1,11, 1,14, 0,85 и 1,09 региональных и 0,96, 1,07, 0,85 и 1,03 страновых медиан в 2012–2015 гг. соответственно. Это значит, что только уровень доходов примерно на медианном уровне доходного распределения достаточно устойчиво спасает в современной России от рисков хронической бедности в масштабах сравнительно длительного периода, хотя и не способен спасти от рисков ситуационной бедности, тем более если говорить о ее вероятности на протяжении нескольких лет наблюдений.

Подведем итоги.

Как показало исследование, анализ рисков бедности, основанный на соотношении доли бедных в группах с различными среднедушевыми доходами, свидетельствует о том, что используемая нами стратификационная шкала, основанная на медиане доходного распределения, позволяет выделить группы, реально различающиеся

не только качественными показателями их доходов, но и испытываемыми ими рисками бедности или прочностью их благополучия. Сопоставление результатов применения разных использованных в данной главе методик позволяет сделать вывод, что сравнительно высокими (более 10%) рисками попадания в бедность в отдельный момент времени характеризуются россияне с доходами до 0,75 медианы, хотя в кризисные годы эта величина может приближаться даже к 0,9 медианы доходов (а в отдельных регионах даже превосходить ее). Медианная группа, таким образом, скрывает за собой в современной России не благополучную, а уязвимую к бедности часть населения. Об этом же говорит и анализ очень высоких (более 50%) рисков хронической бедности, от которых в современной России на длительном временном промежутке также спасает лишь медианный уровень доходов.

В то же время бедность россиян даже с доходами ниже медианных предопределена не фатально — примерно две трети населения страны за последние 4 года, несмотря на кризис, в число людей с доходами ниже прожиточного минимума не попадали ни разу. Так, в медианной группе даже по состоянию на кризисный 2015 г. таких было 73%, т. е. безусловное большинство, хотя 27% (что намного больше, чем 10%, свидетельствующих о повышенных рисках бедности) в число бедных в ней все-таки попадали. Однако в низкодходных слоях населения ситуация была при этом не просто хуже, она была принципиально иной — так, в группе с доходами 0,5–0,75 региональной медианы лишь 29% ни разу за 4 года не попадали в число лиц с доходами ниже прожиточного минимума, а в группе с доходами не более 0,5 региональной медианы таких вообще было менее 1%, т. е. для них бедность была не более или менее высоким риском, а заведомо предопределенным состоянием. При этом сравнительно низкие риски попасть в бедность на длительном временном промежутке сильно различаются по регионам в зависимости от соотношения региональной медианы и прожиточного минимума, а также уровня доходов в них.

Если же говорить о бедности «в моменте», то порог почти гарантированной бедности (риски более 50%) в течение данного календарного года находится примерно на уровне 0,4 и региональной, и страновой медиан. Однако с учетом зависимости этого порога от общего состояния экономики в отдельные периоды его

показатель может подниматься и выше. В большинстве случаев доход немного выше 0,4 от региональной и страновой медиан, впрочем, не означает, что образ и уровень жизни этих людей отличаются от тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума — просто на их формальном статусе сказывается жесткость фиксированных границ соответствующих порогов (достаточно 1 руб. в месяц превышения расчетного показателя прожиточного минимума на домохозяйство, чтобы оно не попало в группу бедных). В большинстве случаев даже такое их относительное благополучие, впрочем, не постоянно, и они часто оказываются и за чертой бедности, и над этой чертой, т. е. их бедность имеет «плавающий» характер.

Полученные результаты демонстрируют ключевую особенность российской бедности и доходной стратификации. Бедность, определенная через прожиточный минимум, может скрывать за собой не выпадающий из нормы, а довольно типичный для широких слоев населения некоторых регионов уровень жизни, что и характерно для современной России. При этом непопадание в число лиц с доходами ниже прожиточного минимума тоже не означает экономического благополучия. Оно может скрывать за собой даже хроническую бедность с лишь формальным превышением доходами домохозяйства черты бедности «в моменте», что становится особенно заметно в периоды экономических кризисов.

В заключение сформулируем наш главный вывод. Полученные нами на основе анализа рисков бедности относительные границы оказываются практически идентичными относительным границам, характерным для западных обществ, хотя несколько сдвинутыми по отношению к ним «вверх» в неблагоприятных условиях экономических кризисов. Однако скрывают они за собой принципиально иные социальные феномены — если в западных обществах группа населения с доходами менее 0,5–0,75 от региональной медианы объединяет уязвимых к бедности, но в большинстве своем все же не бедных, а группа с доходами 0,75–1,25 медиан включает нижние слои среднеобеспеченных, то в российском обществе это группы бедных и малообеспеченных с очень высокими и относительно высокими рисками бедности соответственно.

Сведения об авторах

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Член редколлегий и редакционных советов журналов «Общественные науки и современность», «Вестник Института социологии», «Социологическая наука и социальная практика», «Журнал исследований социальной политики». Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социальная трансформация и социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Work and Welfare in the New Russia» (London, 2000, в соавторстве), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), «Poverty and Social Exclusion in the New Russia» (London, 2004 и 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Health and Health Care in the New Russia» (London, 2008, в соавторстве), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014) и др. Руководитель свыше 40 проектов по различной тематике.

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD, доцент, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: проблемы модернизации, социальная стратификация, экономика народонаселения, современные методы анализа количественных данных. Автор более 70 научных работ,

в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в монографиях по результатам общероссийских исследований («Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России» (2017) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблемам динамики социальной структуры российского общества, социальной политики, вопросам модернизации российской экономики и общества.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура российского общества, рабочие как особая социально-профессиональная группа российского общества, человеческий капитал различных профессиональных групп, социально-экономическая адаптация населения. Автор более 20 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

ЛЕЖНИНА Юлия Павловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная политика, социальная стратификация российского общества, социально-демографические процессы, социокультурная динамика. Автор более 60 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах; глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов («The youth and social change:

a comparative study between China and Russia» (2014), «People's dreams in China and in Russia» (2015), «Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries» (2018) и др.) и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), «Бедность и бедные в современной России» (2014), Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий центром стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, средний класс, социокультурная динамика. Автор более 90 научных работ, в т. ч. монографии «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов («Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective» (2013), People's dreams in China and in Russia (2015), Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries (2018) и др.); глав в ряде российских монографий по результатам общероссийских исследований («Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), «Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних

исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.), а также статей в ведущих научных журналах. Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, малообеспеченность, бедность. Автор 15 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных российских монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016), «Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах» (2015) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества.

Содержание

Введение.....	3

Раздел 1. Построение модели доходной стратификации: теоретико-методологические основания и особенности отдельных групп и слоев

Глава 1.1. Проблема построения моделей доходной стратификации в социальных науках	10
Глава 1.2. Выделение гомогенных доходных групп: вопросы методики.....	49
Глава 1.3. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа с помощью методов статистической классификации	71
Глава 1.4. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа рисков бедности.....	93
Глава 1.5. Особенности жизни и потребления представителей различных доходных групп	117

Раздел 2. Модель доходной стратификации российского общества: сравнительно-динамический анализ и факторы

Глава 2.1. Модель доходной стратификации российского общества: динамический анализ	148
Глава 2.2. Сравнение моделей доходной стратификации в России и в других странах	174
Глава 2.3. Трансформация модели доходной стратификации в России: динамический анализ в международном контексте (1990–2010-е гг.)	201
Глава 2.4. Территориально-поселенческая вариативность доходной стратификации в России: состояние и тенденции изменений.....	225

Глава 2.5. Факторы принадлежности	245
к различным доходным группам и слоям.....	245
Глава 2.6. Факторы относительной и абсолютной бедности	273

Заключение.....	294

Приложения

Приложение 1.....	306
Приложение 2.....	314
Приложение 3.....	315
Приложение 4.....	316
Приложение 5.....	317
Приложение 6.....	318
Приложение 7.....	320
Приложение 8.....	321
Приложение 9.....	322
Приложение 10.....	323
Приложение 11.....	324
Приложение 12.....	325
Приложение 13.....	327
Приложение 14.....	328
Приложение 15.....	329
Приложение 16.....	330
Приложение 17.....	331
Приложение 18.....	332
Приложение 19.....	333
Приложение 20.....	334
Приложение 21.....	336
Приложение 22.....	340
Приложение 23.....	350
Приложение 24.....	354
Приложение 25.....	358
Сведения об авторах	363